ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 66.01(235.54)
ББК 32.01(470.44)

В.И. Шишкина

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТЕСТЫ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

V.I. Shishkina
Political Protests in Perception of Inhabitants of a Region (by the Example of the Saratov Region)

The processes developing in the political protest field of the region during the period of "political winter" in December 2011-March 2012 are analyzed. The important focus is on identifying the main trends of the perception of political protests by inhabitants of the region.

Key words and word-combinations: regional political protest, protest moods of citizens, perception of the political protest.

Анализируются процессы, развивавшиеся в политическом протестном поле региона в период «политической зимы» декабря 2011 – марта 2012 г. Важный акцент сделан на выяснении основных трендов восприятия политических протестов жителями региона.

Ключевые слова и словосочетания: региональный политический протест, протестные настроения, восприятие политического протеста.

Политический сезон 2011–2012 гг. всколыхнул общественность России. Он был ознаменован массовыми протестами, которые привлекли широкое внимание. «Массовый митинг протеста – это…ненасильственный способ политического давления и тем самым оказания влияния гражданского общества на власть. Одновременно массовый митинг протеста – это вызов и предупреждение этой власти, что ресурс ее легитимности ограничен» [1]. В России не так часто проявляется протест, имеющий в своей основе острую общественно-политическую подоплеку, поэтому протесты 2011–2012 гг. стали новым для современного политического поля явлением.

Массовые протесты прокатились по всей стране. Нарицательными стали выступления оппозиции в Москве на Болотной площади и проспекте Ак. Сахарова в 2011 г., и последующие акции в преддверии президентских

выборов. Столицу поддержали и регионы. Анализируя политические события 2011–2012 гг., многие исследователи обращались к общефедеральным тенденциям и процессам, наиболее ярко освещавшимся в СМИ, проецируя в некоторой степени недовольство, выраженное на площадях и проспектах крупных мегаполисов, на жителей всей страны, что, на наш взгляд, не совсем верно.

Следует понимать, что «политическое пространство регионов является частью федерального политического пространства со своими территориальными, правовыми, субъектными и прочими характеристиками» [2, с. 264], то есть, интерпретируя данные из регионов, необходимо обращаться к общероссийским трендам, но при этом нельзя забывать о специфике субъектов, которая может детерминировать восприятие политической ситуации из регионов в несколько ином контексте, нежели из федерального центра.

В связи с этим, как представляется, достойно особого внимания исследование региональной специфики политического протеста. На наш взгляд, хорошо известный политической науке раскол на центр и периферию сказывается и в данном случае, поэтому важно отследить изменения в политических процессах не только на уровне Федерации, но и на уровне регионов. Экспертным сообществом отмечается тенденция: протест, зародившийся в 2011–2012 гг. в центре постепенно спускается на периферию – в провинцию.

Анализ новых процессов в политическом пространстве регионов требует представления об истоках данного явления в провинции. Опираясь на отрывочные исследования протестов в отдельных регионах, необходимо смоделировать структуру пространства политического протеста и выявить специфику восприятия этого политического явления в Саратовской области.

Проблематику специфики регионального протеста рассматривал в своих исследованиях профессор А.В. Скиперских [3, с. 62–63]. По его мнению, характерны для «провинциального протеста» несколько отличительных черт.

Во-первых, политический протест в регионах отличается, скорее, не количественными характеристиками, а качественным наполнением самого явления, что происходит за счет специфики субъектов участия в региональном политическом протесте.

Во-вторых, субъекты протеста в провинции изначально осознают ограниченные рамки своих возможностей, например невозможность мобилизации такого же числа участников, как в столице.

В-третьих, ориентация в узких рамках регионального социума происходит в общественном пространстве, пронизанном коммуникационными каналами между участниками событий: все так или иначе друг друга знают (по крайней мере, лидеры движений, общественники, активисты и т.д.).

В-четвертых, провинциальный протест характеризует желание сохранения анонимности для простого обывателя, который не хочет строить политической карьеры, а просто чувствует потребность заявить о своем несогласии с политикой властей. В результате политический протест трансформируется, а традиционные репертуары протестных действий – митинги, шествия, пикеты – приобретают элементы театрализованности. Такое творческое преобразование показывает стремление граждан избежать репрессий со стороны властей за учас-

тие в протестных акциях и в то же время стремление со стороны организаторов уличных протестов смягчить, дерадикализировать политический протест для простого обывателя, с тем чтобы привлечь его для участия в массовых акциях. Примером подобного может служить акция саратовской оппозиции в феврале 2012 г., когда всех желающих приглашали на «масляничные гуляния», «проводы политической зимы».

Формирование пространства политического протеста в Саратовской области происходило следующим образом.

В декабре 2011 – марте 2012 г. активизировались все оппозиционные акторы региона, действующие в области. Наряду с традиционными участниками оппозиционного движения (КПРФ, ЛДПР, «СР», «Яблоко») появились новые протестные группы, такие, как «Саратовское объединение избирателей» (далее – СОИ), гражданские сетевые активисты (создатели и участники группы «ВКонтакте» Р. Сергеев и С. Вилков, участник «Российского социалистического движения»).

Анализируя протестную активность данных субъектов, можно отметить явную несогласованность их протестных действий. Попытки их скоординировать путем создания консолидированного субъекта протеста в регионе не принесли ожидаемого результата. Традиционные участники, мы бы назвали их наиболее устойчивыми протестными акторами региона, КПРФ и ЛДПР, поддерживая волну гражданского политического протеста на начальном этапе, сохранили свою самоидентичность и функционировали как традиционные институциональные субъекты политики. В то же время деятельность гражданских активистов постепенно теряла уровень напряжения, выполнив свою роль ретранслятора протестного недовольства людей. Еще один «новообразовавшийся» субъект – СОИ – попытался институционально закрепиться, но, по сути, свою миссию «моста» между гражданским обществом и политическим протестом не выполнил.

Представляет интерес ответная реакция граждан, их отклик на протекавшие процессы. Воспользуемся итогами электоральной панели ВЦИОМ при изучении динамики изменения протестных настроений граждан в Саратовской области. В сентябре 2011 г. 64,1% [4] респондентов оценивали возможность массовых акций протеста довольно низко (по десятибалльной шкале – от 1 до 10, где 1 – наименьшая вероятность). Заметное изменение этого показателя произошло в декабре 2011 г. после выборов в Государственную Думу. С ноября 2011 по март 2012 г. отмечается закономерное увеличение разброса мнений граждан по вопросу о возможности появления массовых протестов. Высокую степень вероятности (8–9 баллов) стали прогнозировать с декабря 2011 г., сразу после выборов в Госдуму, когда общественно-политическое поле было насыщено информационными месседжами о протестах. При этом уровень респондентов, высоко (8–10 баллов) оценивающих вероятность протестных акций, варьируется от 24,5% в декабре 2011 г. – 26,4% в феврале 2012 г. до 15,1% в марте 2012 г., экстремально не увеличиваясь за весь период исследования. С февраля рамки возможности массовых протестов, по мнению респондентов,снижаются, что свидетельствует о неуверенности и неопределенности в прогнозах данного явления.

В динамике показателя личного участия происходит небольшое перераспре-

деление перед президентскими выборами: лидируют позиции 1–2 балла у 60,4% респондентов. Высокую вероятность своего участия отметили только 18,8% опрошенных. Заметно изменение после выборов Президента РФ, когда 1–2 баллами (низкая вероятность) оценивали возможность своего участия 56,6% опрошенных.

Таким образом, для респондентов Саратовской области отношение к ситуации с протестами менялось следующим образом: чем чаще упоминались и проводились акции, тем менее определенным становилось отношение к протестным мероприятиям. Можно предположить, что информационное поле не давало гражданам четко разграниченных понятий, они столкнулись с ситуацией реального выбора своей позиции, своего отношения к ситуации. Однако нельзя не отметить некие «охранительные» тенденции в отношении личного участия в акциях протеста.

После выборов в федеральный парламент 62,3% опрошенных низко оценивали (на 1–2 балла) вероятность личного участия в протесте, тогда как после президентских выборов только 56,6% на 1–2 балла оценили возможность своего участия в подобных акциях. Возможно, это объясняется тем, что волна протестов после выборов в Государственную Думу была более «стихийной» и «непредсказуемой», тогда как уже после выборов 4 марта 2012 г. сама протестная волна стала снижаться.

Уровень осведомленности респондентов о декабрьских акциях 2011 г. был достаточно высок. Хорошо знали о проводимых акциях в начале декабря 39,6%, в конце – уже 49,1% опрошенных. В то же время на вопрос о природе этих политических протестов 88,7% респондентов затруднились ответить. Для граждан были не ясны цели организаторов и участников митингов – те же 88,7% не дали четкого ответа. Ситуация стала меняться к февралю 2012 г., когда 52,8% респондентов ответили, что простые люди ходят на акции протеста, чтобы добиться правды и справедливости.

Ответная реакция граждан на призывы участвовать в акциях протеста в начале декабря была достаточно сдержанная: 52,8% убеждены, что эти призывы обоснованны, но сами участвовать в них не будут. К концу месяца эти же 52,8% опрошенных высказали предположение, что если народ вышел на улицы с лозунгами, то это является «свидетельством растущей демократизации и приведет к оздоровлению политической ситуации». Таким образом, в декларативной форме призывы к протестам понятны для более чем половины респондентов, но это не означает, что такое восприятие ситуации позволит им изменить свою стратегию поведения в случае реальных протестов. По мнению Ю.М. Баскаковой, «политическое выражение накопленного недовольства пока не значительно… жители пока сами не видят связи между положением дел и собственной политической позицией, стратегией политического поведения» [5].

На наш взгляд, еще одним подтверждением, неопределенности позиции респондентов является то, что на вопрос, кто принимает участие в акциях протеста, 69,8% интервьюируемых ответили: «Все, кто хочет выразить свое мнение о политике властей», а 11,3% предположили, что это те, «кого заставили принимать участие». Так проявляется восприятие гражданами протестного

движения как движения, аморфного по составу, цель которого – добиться правды и справедливости от властей. В то же время, по мнению респондентов Саратовской области, эти действия являются обоснованными и они, скорее, поддержат участников акций (50,9% в декабре 2011 г.). Однако отношение к протестующим существенно меняется после выборов Президента РФ. Если в декабре 2011 г. половина респондентов поддерживала претензии протестующих, то в марте 2012 г. 54,7% не поддерживали участников протестного движения. С нашей точки зрения, здесь могли сыграть роль как неустойчивость протестной стратегии поведения, так и само отношение к выбираемым институтам власти. Известно, что у россиян к выбору исполнительной ветви власти более пиететное отношение [6, с. 30].

Таким образом, характеристики провинциального протеста, предложенные А.В. Скиперских, вполне можно спроецировать и на ситуацию в Саратовской области. Акции достигали 1000 человек по численности участников в декабре 2011 г., но в основном массовость ограничивалась 200–500 участниками. Ответная реакция граждан является подтверждением того, что жителям региона требовалось прежде всего качественное наполнение протестных действий, а не их количественная составляющая.

Интерес представляют субъекты протестного поля в регионе, которые не сумели достичь консенсуса для разработки совместной стратегии дальнейшего развития. При этом четко прослеживается попытка расширения протестного пространства региона за рамки традиционных участников, возросла роль гражданских активистов.

Представляется, что в Саратовской области политический протест был зафиксирован достаточно явно, но при этом носил характер «модного» явления, в котором так крепко переплетена политика со всеми остальными сферами жизни общества. Явления политического характера в нашем регионе чаще всего очень быстро институционализируются в рамках формальных или полуформальных организаций, со временем доказывая свою жизнеспособность. Однако когда трендовые веяния 2011–2012 гг. закончились, политический протест, не имея под собой социальной базы, потерял свою значимость.

Библиографический список

1. *Яницкий О.Н.* О циклах политического протеста. URL: http://mir-politika.ru/3500-o-ciklah-politicheskogo-protesta.html

2. *Долгов В.М.* Региональное политическое пространство // Российская политическая наука: в 5 т. Т. 5: 1995–2006 гг. М., 2008.

3. *Скиперских А.В*. Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области) // Теории и проблемы политических исследований. 2012. № 2/3.

4. Электоральная панель ВЦИОМ. URL: http://politpanel.wciom.ru/

5. *Баскакова Ю.М.* Недовольные и несогласные: социальное недовольство и его масштабы (ч. 2) // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 3.

6. *Ахременко А.С., Мелешкина Е.Ю.* Голосование «против всех» как форма политического протеста: проблемы изучения // Политическая наука: современное состояние: тенденции и перспективы. 2002. № 1.